

семитами, т. е. не были и собственно хеттами (стр. 268). Что же касается происхождения самих хеттов и путей вторжения их в Малую Азию, то Биттель, отмечая, что большинство ученых склоняется к мысли о пути их с запада на восток, все же вынужден оставить вопрос открытым (стр. 270), несмотря на все его желание присоединиться к теории о «западном» пути их вторжения в качестве доказательства их индогерманского происхождения. Основное содержание статьи сводится к описанию и анализу материала раскопок в местах первоначального и последующего расселения хеттов в Малой Азии.

В третьем номере журнала в этом отделе опубликованы статьи Ч и л ь в е р а «Август и римская конституция, 1939—1950» и С а р и я «Норик и Паннония». Несколько странное название первой из этих статей объясняется тем, что она является сводкой мнений и выводов на данную тему, выявившихся в зарубежной историографии в годы, указанные в заголовке статьи. Автор, останавливаясь на характере событий 32—27 гг., специально разбирает постановку проблемы об *auctoritas* Августа и содержание его *imperium*'а после 28/7 гг., заканчивая свое исследование трактовкой принадлежавшей Августу *tribunicia potestas*. Как правильно заметил еще Н. А. Машкин в своей увенчанной Сталинской премией работе «Принципат Августа», громадная литература, посвященная данной проблеме за рубежом, касается главным образом юридической стороны ее, оставляя в тени социальную сущность принципата (стр. 350, 372 и др.). Этот вывод остается в силе и при ознакомлении с данными статьи Чильвера, обзор которой включает ряд книг, уже подвергнутых исчерпывающей критике в книге Н. А. Машкина.

Последняя статья второго раздела третьего номера журнала представляет собой большой, сопровождаемый историографическими экскурсами, обзор истории названных провинций в римское время. Вопросы состава населения, романизации его, границы этих провинций, управление ими, культурная жизнь, религиозные верования и др., освещаемые при помощи литературных, эпиграфических и археологических данных, составляют основное содержание этого обзора, фактическим материалом которого должны заинтересоваться исследователи истории Норика и Паннонии.

В довольно обширных отделах рецензий во всех трех номерах журнала советский читатель найдет разбор известных ему книг Ростовцева, Сайма, Тейлор, получивших уже соответствующую оценку в нашей печати. Такой оценки еще ждет книга Парета «Новое изображение предистории» с целью определения, насколько автору ее удалось преодолеть засилье расистских и пангерманистских «теорий» в этой области научного исследования, книга Корте о Катоне Цензоре, книга Гельцера о Помпее и книга Пиганьоля о христианской империи (325—395 гг.). Для деградации буржуазной науки характерна помещенная в третьем номере рецензия на книгу Шмиттлейна «Обстоятельства и причина смерти Христа», в которой с самым серьезным видом разбираются всякого рода предположения о шоке, коллапсии и о «клинической картине» этой смерти на основании евангельских текстов.†

Проф. П. Н. Тарков

ВОЙНЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Задача историков-марксистов заключается не только в том, чтобы на основе единственного подлинно научного метода диалектического и исторического материализма, сочетающегося с тщательным изучением источников и критическим использованием трудов буржуазных ученых, восстановить прошлое человечества и определить законы его развития. Они обязаны также разоблачать всевозможные теории старых и новых фальсификаторов науки, вскрывать их реакционную сущность, показывать их тенденциозность в подборе и изложении фактов, в их выводах и обобщениях.

Как и во всяком классовом обществе, война играла выдающуюся роль и при рабовладельческой формации. Непрестанные грабительские захватнические войны вытекали из самой природы рабовладельческих государств, независимо от того, представляли ли они собой восточную деспотию или античную монархию: «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме»¹.

Советские ученые и в своих общих трудах² и в специальных исследованиях уделяли достаточно внимания исследованию внешней политики стран древнего Востока, в частности, Египта³. Некоторые опубликованные после выхода в свет этих работ документы полностью подтвердили их выводы⁴. Так, победная стела фараона XVIII династии Аменхотепа II с предельной ясностью показывает не только, откуда и каким образом получали египтяне рабов, что, в основном, было известно и прежде, но, самое главное, указывает и количество рабов, о чем имевшиеся до сих пор тексты упоминали в общих и весьма неопределенных выражениях. При помощи надписи Аменхотепа II их показания удалось сделать более конкретными и ясными. Стали понятными источники необыкновенной щедрости фараонов по отношению к храмам, обладавшим даже на закате могущества Египта — при Рамсесе IV — десятками тысяч рабов, как это видно из Большого папируса Харрис. Этот текст позволил окончательно решить вопрос о целях, которые преследовали египетские фараоны при непрерывных походах и захвате окрестных стран и рассеять легенду о «миролюбивом», «мягкосердечном» характере египтян, якобы присущем им от природы, легенду, которую вот уже более столетия в различных вариантах распространяет в своих трудах подавляющее большинство буржуазных ученых.

Впервые эту легенду подверг критике проф. В. И. Авдиев. Однако он ограничился краткими замечаниями об античной традиции, а из представителей новой историографии упомянул только о Ф. Гегеле и Д. Брестеде⁵. Подобную трактовку особенностей характера населения долины Нила проф. Авдиев объясняет, с одной стороны, приверженностью буржуазных ученых к традиции, а с другой, — «стремлением изобразить восточные народы, в частности, древних египтян, в качестве абсолютно невоинственного народа, совершенно противоположного воинственным народам западного, „арийского“ мира» (ук. соч., стр. 9). Подобная тенденция обусловлена последовательным применением расовой теории, стремящейся резко отделить «слабый», «миролюбивый» Восток от сильного и целеустремленного Запада. К этому следует еще добавить, что буржуазная наука вообще, а периода империализма в частности, склонна идеализировать и восхвалять господство одних народов над другими, особенно тогда, когда более развитые страны покоряют отстающие по сравнению с ними народы. Таким образом, при помощи истории оправдывается колониальная хищническая политика империалистических держав.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 604.

² В. В. Струве, История древнего Востока, 1936 и 1941; В. И. Авдиев, История древнего Востока, 1948.

³ В. В. Струве, Проблемы зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока, ИГАИМК, вып. 77 (1934); В. И. Авдиев, Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего царства, ВДИ, 1938, № 1; е г о ж е, Военная политика Египта в эпоху Среднего царства, ВДИ, 1939, № 1. Особенно важна работа В. И. Авдиева, Военная история древнего Египта, М., 1948; И. М. Лурье, О военном деле в древнем Египте; см. книгу «Очерки по истории техники древнего Востока», Л.—М., 1940.

⁴ ВДИ, 1951, № 3, стр. 40 сл.

⁵ В. И. Авдиев, Военная история древнего Египта, стр. 8 сл.

Так как В. И. Авдиев не дает подробного критического разбора взглядов буржуазных историков на указанные проблемы, целесообразно остановиться более подробно на некоторых, наиболее типичных суждениях представителей буржуазной науки о войнах древнего Египта¹. Большую роль в развитии их взглядов сыграли и продолжают играть высказывания Ф. Гегеля, который, основываясь на наиболее распространенном из известных тогда источниках, писал следующее: «У Геродота мы находим очень подробные сведения относительно образа жизни египтян, в особенности относительно всего того, что казалось ему отличающимся от греческих обычаев. Так, например, он упоминает, что у египтян были особые врачи для разных болезней, что женщины занимались делами вне дома, а мужчины оставались дома и ткали. В одной части Египта господствовало многоженство, а в другой — моногамия, у женщин было одно платье, а у мужчин — два; они часто мылись и купались и ежемесячно очищали желудок. Все это свидетельствует о мирных наклонностях»². В угоду своей предвзятой концепции Гегель заимствует от античных авторов только те сведения, которые могут оказаться полезными для доказательства его теории, и произвольно толкует их. Сам по себе отрывок, приводимый немецким философом, «мирных наклонностей» египтян отнюдь не доказывает. Более того, если бы Гегель пожелал объективнее подойти к источникам, в частности, к тому же Геродоту, а также к Диодору, которые служили ему, наряду со Страбоном, основными источниками для написания главы о Египте в «Философии истории», он нашел бы там факты, опровергающие почти полностью его мнение. Достаточно сослаться на рассказы о походах и завоеваниях Сесостриса (Геродот, II, 102 сл.; Диодор, I, 53 сл.) или на замечание Геродота о том, что в битве при Артемисии «из воинов Ксеркса больше всех отличались египтяне: помимо других славных подвигов они захватили пять эллинских кораблей вместе с их воинами» (VIII, 17). Таким образом, не без основания можно утверждать, что Гегель тенденциозно подошел к сочинениям этих античных авторов. Что касается позднейшей греко-римской традиции, то и она искажала подлинное положение вещей. Ее суждения основывались на впечатлениях, получаемых от встреч с представителями господствующих прослоек египетского общества, с которыми и греки и римляне общались чаще и ближе. А господствующие слои, стремясь сохранить свои богатства, должности и чины, безропотно подчинялись завоевателям, что вполне оправдывает подобную характеристику. Что касается народа: крестьян, ремесленников и городской голытьбы, то они никак не могли примириться с двойным гнетом чужеземных захватчиков и туземной светской и духовной знати.

По существу на той же точке зрения, что и Гегель, — о присущих египтянам от природы «мирных наклонностях», — стоят и виднейшие буржуазные ученые Эд. Мейер, Д. Брæстед, Г. Масперо, А. Морэ, Ф. Биллабель и многие другие. Некоторые из них пытаются обосновать свои положения более серьезными доводами, чем ссылками на количество туалетов или применение слабительного, как это делал Гегель, хотя и их аргументы весьма неубедительны, другие ограничиваются просто констатацией факта, указывая на «темперамент» египтян. «По темпераменту египтяне не были воинственными; если они становились солдатами, то это происходило из расчета, а не по призванию», — заявляет Г. Масперо³; «Население Египта, мало воинственное, поднималось только в случае большой войны», — вторит ему А. Морэ⁴; «Невоинственный по

¹ Недостаток места не позволяет останавливаться на специальных исследованиях, как, например, W. W o l f, Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres, Lpz., 1927; R. A n t h e s, Die Vorführung der gefangenen Feinde vor dem König, ÄZ, Bd. 65, 1930, стр. 26—35.

² Ф. Г е г е л ь, Философия истории, Соч., т. VIII, М.—Л., 1935, стр. 191. Ср. F. H e g e l, Die Orientalische Welt, стр. 471, на которую ссылается В. И. Авдиев.

³ G. M a s p e r o, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, т. I, P., 1895, стр. 308.

⁴ A. M o r e t, Histoire de l'Orient, т. I, P., 1936, стр. 200.

существо характер египтян» постулирует и Д. Брэстед. Так как все они при этом игнорируют элементарную историческую истину, что воинственных и невоинственных от природы народов не существует и что войны обусловлены законами общественного развития, то, естественно, им приходится вступать в полное противоречие со своими собственными суждениями, которые основаны на изучении источников и фактов, а не на абстрактных и тенденциозных схемах. Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно полностью привести отрывок из «Истории Египта» Д. Брэстеда, откуда взята только что приведенная фраза: «Египет сделался военным государством, и было вполне естественно, что он оставался таковым (разрядка моя.— *И. К.*), несмотря на невоинственный по существу характер египтян. Долгая война с гиксосами воспитала в них солдат... Вполне изучив военное дело и поняв, что благодаря ему можно было добыть в Азии огромные богатства, вся страна была охвачена и увлечена жадной завоеваний, не затихавшей в течение нескольких столетий; некогда столь невоинственные средние классы стали заполнять ряды солдат...»¹. Как согласовать между собой эти столь противоречивые утверждения, как можно при «невоинственном характере» даже ради наживы на «несколько столетий увлечься жадной завоеваний», ведомо, вероятно, одному автору и его единомышленникам — любителям парадоксов и жонглирования словами, к чему так склонны буржуазные ученые.

Впрочем, противоречия этим не ограничиваются. В начале своей книги Д. Брэстед заявляет (стр. 17 сл.): «Под властью гиксосов и в борьбе с ними рухнул тысячелетний консерватизм Нильской долины. Египтяне впервые познакомились с наступательной войной» (разрядка моя.— *И. К.*), а далее мы узнаем (там же, стр. 161): «Тенденция расширения, скрытая в течение нескольких столетий, теперь (при XI династии.— *И. К.*) проявилась в Нубии, как в эпоху VI династии... Ментухотеп IV... мог возобновить планы относительно завоевания Нубии». Примеры подобного рода вопиющих противоречий, к которым еще придется вернуться, можно было бы привести еще в достаточном количестве не только из труда Д. Брэстеда, но и из работ его коллег, других историков Египта. И если больше внимания уделено именно Д. Брэстеду, то только потому, что его «История Египта» пользуется широким распространением и авторитетом. Им же написаны главы, посвященные эпохе Нового царства, в *Cambridge Ancient History*. Поэтому специально останавливаться на этом издании, пользующемся особенной популярностью в Англии и Америке, естественно не целесообразно. Там перепечатаны соответствующие отрывки из «Истории Египта».

Однако Д. Брэстед далеко не оригинален, так как он, видимо, передает лишь мысли Эд. Мейера. Последний полагает, что фиванские цари, стремясь сбросить иго гиксосов, пробудили «национальное чувство», вместе с чем Египет осеняет «новый, воинственный дух», усиливающийся благодаря победам, обильной добыче и богатым дарам, распределяемым фараонами². Колесница способствовала, согласно его утверждению, появлению в стране «воинственной аристократии, одушевленной рыцарским духом и видящей свою гордость в отважных боевых делах». Оставляя в стороне феодальную терминологию и трактовку египетского общества у Эд. Мейера, посмотрим, какими более убедительными и серьезными доводами этот крупнейший из буржуазных историков древнего мира пытается объяснить причины возвышения Египта. «Преобладание Египта основывается не только на военной организации, но в значительно большей степени на материальных средствах, а также на изделиях промышленности и художественного ремесла и, прежде всего, на неисчерпаемых источниках металла, в первую очередь золота, к поступлениям которого из Нубийских рудников добавляются теперь потоки золота из Пунта» (там же, стр. 146).

О внутренних причинах усиления Египта, о причинах его агрессивной политики Эд. Мейер умалчивает. Свои выводы он основывает на явлениях вторичного порядка. Развитие ремесла в долине Нила, точнее — развитие производительных сил страны —

¹ Д. Брэстед, *История Египта*, т. I, М., 1915, стр. 243.

² Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, т. II, ч. I, Stuttgart — Berlin, 1926, стр. 68.

было обусловлено совсем другими обстоятельствами. Ведь некоторыми источниками сырья Египет владел и прежде, а что касается золота Нубии, то оно стало притекать в сокровищницы фараонов, храмов и знати именно в результате агрессивной, захватнической политики. Эд. Мейер одно следствие объясняет другим, притом вторичного порядка по отношению к первому, и мы у него не получаем сколько-нибудь удовлетворительного ответа на поставленный вопрос.

В обширной работе, посвященной истории культуры древнего Египта и охватывающей все стороны жизни этой страны, Г. Кеес продолжает развивать мысли Эд. Мейера, правда, с некоторыми изменениями. «Египетский земледелец исторической эпохи, — пишет Кеес, в начале раздела о военном деле египтян, — никогда не был особенно воодушевленным солдатом. Только крайняя нужда или насилие иногда возбуждали в прикованном к своему клочку земли человеке воинственное настроение; у него отсутствовало естественное неукротимое стремление к свободе, присущее кочевникам. Службу в армии он с удовольствием предоставляет профессиональным солдатам или даже чужеземным силам»¹. Вполне естественное пожелание египетских крестьян, совершенно не заинтересованных в грабительских походах и завоеваниях, предпринимаемых исключительно в интересах фараона, знати и жречества, жертвовать своим благосостоянием и жизнью, фашистский ученый объясняет их расовыми свойствами и особенностями географической среды — замкнутостью и обособленностью долины Нила. Между тем народные массы не желали воевать из-за чужой выгоды. Отголоски этих настроений ясно сквозят в тех частях папируса Лансинга, где описываются тяготы походной жизни². Как известно, фашистские «теории» прекрасно сочетаются с идеализмом прусско-гегельянского толка, превозносящим доблесть военной аристократии и ее «рыцарского духа». Кеес (стр. 239) считает «роковым» для судеб Египта, что «руководящие слои» («führende Stände») страны не смогли сохранить «дух эпохи Тутмосидов» из-за склонности к «роскошной» жизни, ставшей возможной благодаря завоеваниям фараонов и благодаря «наследственному отвращению преуспевающих только на родной земле земледельцев к тяготам и беспокойству солдатской жизни». Таким образом, полностью выхолащиваются подлинные, классовые мотивы, в силу которых египетские крестьяне не желали воевать. Конечно, Кеес умалчивает о том, что «мирным настроениям» крестьян приходил конец, когда терпеть далее становилось невмочь. Так было, например, когда они восстали в 1750 г. до н. э., когда боролись с собственными угнетателями при XIX и XX династиях, когда поднимались против чужеземных захватчиков: гиксосов, ассирийцев, греков.

В одном из последних обобщающих трудов по истории Египта ее авторы Э. Дриотон и Ж. Вандье объясняют причины завоевательной политики в эпоху Нового царства «национальным подъемом» и уверенностью в собственных силах египтян после изгнания гиксосов. Фараоны ловко и умело использовали этот «подъем» и положили, таким образом, начало своему могуществу³.

В равной степени в буржуазной науке, вопреки определенным указаниям источников, мы встречаем нередко прямое искажение фактов в вопросе о том, какими методами вели египтяне войны, как обращались они с населением покоренных стран, какова была идеология, при помощи которой они стремились утвердить свое господство. Так, например, Ф. Петри убежден, что после первого похода Аменхотепа II в Сирию остальные 20 лет его правления прошли «незаметно» и что при нем «египетское иго не слишком тяжело давило на Азию»⁴. В еще большей степени идеализирует египетское господство в Сирии А. Морэ (ук. соч., т. II, стр. 513):

«Этот терпимый и свободомыслящий образ правления, который предоставляет местным жителям охрану и управление страной под контролем египетских инспекто-

¹ H. K e e s, *Kulturgeschichte des alten Orients. Ägypten*, München, 1933, стр. 227.

² A. E r m a n und H. L a n g e, *Papyrus Lansing*, Köbenhavn, 1925, стр. 90 сл.

³ E. D r i o t o n et J. V a n d i e r, *L'Égypte*, P., 1946, стр. 375. Первое издание вышло в 1938 г.

⁴ F. P e t r i e, *A history of Egypt*, т. II, 1924, стр. 157.

ров, обладающих широкими полномочиями, это — военная оккупация, сведенная к минимуму, — мы можем назвать ее протекторатом. Разумная сдержанность фараонов, обеспечившая их азиатским владениям порядок и безопасность, способствовала также экономическому процветанию в те смутные времена, когда гул непрестанных переселений не переставал возрастать на горизонте». Морэ, подобно Д. Брэстеду и многим другим своим коллегам, противоречит сам себе, ибо буквально на предшествующей странице он пишет, что эти ежегодные приношения представляли собой весьма тяжелую повинность для правителей, которые были за них ответственны (указ. соч., т. II, стр. 512). До того рассказывается о жестокостях и насилиях египетских полчищ, учиненных в Сирии и в Палестине. Характер древних народов идеализируют ученые тех империалистических держав, которые сами претендуют на владение этими же странами или хотя бы на установление над ними «протектората».

Несколько иной точки зрения придерживаются некоторые представители буржуазной науки «обделенной» при разделе колоний Германии. Они стремятся обосновать непригодность египтян для управления покоренными странами их расовой неполноценностью и противопоставляют им другие народы древности, в жилах которых, как они утверждают, текла «арийская» кровь. «Им (египтянам. — *И. К.*), — пишет Ф. Билабель, — недоставало организаторских способностей и дарований для колониальной деятельности, качества, в которых впоследствии их превзошли хетты и ассирийцы... Завоевание симпатий покоренных народов было не в духе египтян¹. Билабеля совершенно не смущает, что он здесь явно искажает общеизвестные факты. Ведь, судя по многочисленным, дошедшим до нас ассирийским же документам, ассирийцы еще значительно менее, чем египтяне, были способны «возбуждать симпатии покоренного населения» своими безграничными жестокостями и неимоверными поборами.

По существу на тех же позициях стоит и А. Альт в своей недавно появившейся статье. Альт полагает, что египтяне основывали свое господство в Азии на «федеративных» началах, переплетавшихся с централистическими тенденциями².

Размеры журнальной статьи заставляют ограничиться приведенными примерами, довольно типичными для буржуазной историографии последних десятилетий. Все они достаточно убедительно показывают, как и для чего современные историки древности в капиталистических странах фальсифицируют историю войн древнего Египта и тем самым искажают облик социально-экономического строя этой страны.

В отечественной науке вопрос о характере и причинах войн древнего Египта был поднят уже давно. Еще в 1887 г. профессор Казанского университета И. Н. Смирнов прочел публичную лекцию о «Развитии отношений завоевателей к покоренным на древнем Востоке», в которой значительное место уделялось Египту³. И. Н. Смирнов основывался преимущественно на источниках, приведенных в «Истории фараонов» Г. Бругша, единственном тогда труде, обобщающем историю Египта. Его выводы во многом ошибочны, что является следствием не только методологической несостоятельности автора, но и вообще сравнительно низкого уровня науки того времени, когда только начинали переводить тексты и издавать памятники изобразительного искусства. Однако заключения Смирнова кое в чем оказались более близкими к действительному положению вещей, чем труды позднейших западноевропейских ученых. Его положение вкратце сводится к тому, что до начала Нового царства политика египтян по отношению к соседним народам ограничивалась оборонительными действиями, что к захвату рабов они не стремились, удовлетворяясь «произведениями почвы». На юге велась борьба с «кочевой вражеской силой, обусловленная потребностями самосохранения»

¹ F. B i l a b e l, Geschichte Ägyptens und Vorderasiens vom 16 bis 11 Jahrh. v. Chr., Heidelberg, 1927, стр. 42 сл.

² A. A l t, Hettitische und ägyptische Herrschaftsordnung in unterworfenen Gebieten, «Forschungen und Fortschritte», 1949, Heft 21/22, стр. 251.

³ Под этим же заглавием лекция была издана в 1887 г. в Казани отдельной брошюрой. Ныне она представляет библиографическую редкость.

(стр. 10). Только с Тутмоса III начинаются собственно завоевательные захватнические походы в Азию.

Правильно определив характер египетской политики времени Нового царства, И. Н. Смирнов столь же верно изображает ее методы, которые он определяет, как «террористические». «Фараоны-завоеватели старались запугать побежденных ужасами опустошения. На пути египетских армий пылали, разрушались и срывались с землей города, вырубались леса, уничтожались плантации, за ними тянулись стада отнятого скота в десятки тысяч голов» (стр. 14). Не будучи в состоянии понять хищническую сущность древневосточных рабовладельческих деспотий, И. Н. Смирнов все же правильно подмечает их сходство. Поэтому он не противопоставляет «миролюбивый» и «гуманный» Египет «жадной» и «жестокой» Ассирии, как это делают некоторые даже современные западноевропейские историки, а указывает, что «сходство отношений двух завоевательных народов к побежденным обуславливается, таким образом, тождеством внутренних причин» (стр. 36). Ясны были русскому ученому и некоторые как внутренние, так и внешние противоречия, свойственные хищническим империям древнего Востока, и проистекавшая отсюда слабость последних. Он указывает, что «от этой системы страдали одинаково и победители и побежденные. Победители отрывались от своих полей... или уничтожали плоды чужого труда, чтобы ужасами этого уничтожения заставить соседей платить дань; побежденные лишались жилищ, плантаций, оставались без хлеба, без скота... Сложное общество, которое пытались создать египтяне, отличалось неустойчивостью и поддерживалось ценой неисчислимых страданий для составлявших его элементов» (стр. 21). Взгляды И. Н. Смирнова были почти полностью усвоены Н. Кареевым, который, пожалуй, несколько даже уступал первому в правильности оценки египтян, повторяя следом за другими авторами легенду о «крайне миролюбивом характере» населения долины Нила¹.

Подобные же высказывания мы находим и в небольшой книжке поручика Е. А. Пасыпкина «Военное искусство древнего Египта», вышедшей в 1901 г. Некритически повторяя взгляды Г. Бругша и Г. Масперо, автор утверждал, что египтяне «по характеру своему были народом невоинственным» (стр. 135). В то же время следует признать, что Е. А. Пасыпкин, видимо, не бросивший занятия египтологией и впоследствии, первый систематизировал большой материал о военном деле, тактике, фортификации и организации армии древнего Египта².

Что касается Б. А. Тураева, то в «Истории древнего Востока» он ограничивается описанием походов отдельных фараонов, не останавливаясь на причинах их агрессии. Как известно, его внимание в первую очередь привлекали вопросы идеологии, в особенности религия.

Вопрос о предпосылках и характере войн древнего Египта был решен только советской исторической наукой. Окончательное разрешение проблемы сущности древневосточного общества, в том числе и египетского, как общества рабовладельческого, естественно позволило сформулировать причины и точно определить характер войн, которые вели египтяне со своими соседями. Как уже указывалось³, это сделал в 1933 г. акад. В. В. Струве, что вызвало в те дни бурные возражения со стороны некоторых приверженцев прежних взглядов. Теперь выдвинутые тогда акад. В. В. Струве положения стали общепризнанными в советской науке и вошли в учебные пособия.

Представляется наиболее вероятным, что фараонов и знать толкнула в период Нового царства на путь агрессии нужда в рабах именно потому, что невозможно было попрежнему эксплуатировать земледельческое население, объединенное в общины,

¹ Н. Кареев, *Монархии древнего Востока и греко-римского мира*, СПб., 1913, стр. 87—89.

² См., например, его заметку о «Палермском камне» в *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, т. 32, 1910. К сожалению, В. И. Авдиев обошел молчанием работы И. Н. Смирнова и Е. А. Пасыпкина, а также упомянутую выше статью И. М. Лурье.

³ ВДИ, 1951, № 3, стр. 50.

усилившиеся в результате восстания, отображенного в Лейденском папирусе. Во время¹ и в результате восстания рядовые общинники получили в свои руки оружие и закалились в освободительных войнах с гиксосами. Они были, видимо, в это время далеко не столь безропотны, как герой сказки о «Красноречивом крестьянине», мольбами и просьбами добивавшийся справедливости у царя и его сановников. Долгий опыт хищнических, захватнических и жестоких войн, берущих свое начало еще в додинастическую эпоху, научил египтян воевать и воевать так, как воевали другие народы стран древнего Востока, не пользующиеся репутацией «мягкосердечных» у современных буржуазных ученых, например, ассирийцы или урарты.

И. С. Кацнельсон

¹ Недаром в «Речении Ипувера» говорится: «Все стремятся разжечь гражданскую войну. Нет возможности сопротивляться. Страна, она связана шайками грабителей». Под «грабителями» Ипувер скорее всего подразумевает восставших; см «Речение Ипувера», М.—Л., 1935, стр. 47.